

ПЛАЧЕТ ПО НЕБУ ДУША...

Будущий вертолетчик Геннадий Кострицкий родился в деревне Двор Таронковичи на Лепельщине. Честно говоря, в ходе беседы забыл поинтересоваться, кем покоритель знойного афганского неба хотел стать в детстве. Думаю, мечтал о том, как и большинство из босоногих мальчишек, – когда-нибудь подняться ввысь...

– Вырос в простой сельской семье, – отмечает Геннадий Иванович. – Отец работал механизатором в совхозе «Волосовичи», мама – библиотекарем. Деревня была большая, имелись начальная школа, мини-молокозавод, кузница... Каждый зарабатывал нелегким крестьянским трудом. Я тоже «драл» лозу – копил на велосипед.

После пяти классов перешел в Григоровичскую десятилетку. Затем принялся работать помощником комбайнера. Вскоре пришла повестка в военкомат. Набирали водителей, а также желающих учиться в витебском ДОСААФе на вертолетчика. Последних в районе отобрали только шесть человек. «На трактор ты всегда успеешь сесть», – с таким отцовским напутствием я отправился на учебу.

– Четыре месяца теории полетов на «Ми-1». Отлетал семь месяцев, присвоили звание сержанта. Затем отправились в Харьковскую область Украины, в город Богодухов, там переучивались на «Ми-4».

– В чем особенность вертолета?

«Ми-4» – военно-транспортный вертолет вооруженных Сил СССР. Просторная грузовая кабина вмещает 1600 кг груза или 12 полностью экипированных десантников. «Ми-4» – первый советский вертолет, который оснащен грузовым люком в задней части с откидными створками и опускающимся трапом. В Богодухове пробыл три месяца и затем с Украины вернулся на родину.

Устроился работать на лепельский завод шестерен. Но однажды увидел, как мимо пролетают вертолеты... Не выдержал, пришел в военкомат и сказал, что у меня «плачет по небу душа»... В июне 1979-го отправился в Сызранское высшее военное авиационное училище. Здесь пришлось тяжело. Три месяца непрерывной теории. Оно и не удивительно, ведь учиться пришлось на управление первым советским специализированным боевым вертолетом «Ми-24». Кроме того, он стал не только первым советским боевым вертолетом, но и вторым в мире после

АН-1 «Кобра». Активно использовался не только в Афганистане, но впоследствии в период Чеченской войны и во множестве региональных конфликтов.

После обучения направили в Пружаны Брестской области в Белорусский военный округ, первую боевую эскадрилью. После ряда теоретических и практических занятий присвоили должность летчика-оператора. И вот в 1982 году приходит директива из Москвы – ознакомиться с приказом, что в августе полк отправляется в Афганистан...

А на тот момент Геннадий уже был женат. Будущая супруга пришла работать пионервожатой в Григоровичскую среднюю школу. Познакомились на одном из танцевальных вечеров. Улетая в Афганистан, молодой вертолетчик оставил жену на девятом месяце беременности. «Ты не вернешься», — переживала она. Но, как и обещал, он вернулся.

– Наш полк шестого августа 1982 года загрузили в два «Ил-76» и доставили в Узбекистан, — вспоминает Геннадий Иванович. — Две недели подготовки правильной стрельбе в горах. После подготовки на «Ан-22» перебросили в Джелалабад.

– Какое первое чувство посетило вас в Афганистане?

– Это страх. Страх, что не увижу родных, жену, не возьму на руки сына. Стояла адская жара, трое суток спали на матрасах. Льешь на него воду, а через пару часов он снова сухой – и все повторяешь заново. Сначала опыт боевых действий нам передавали старшие товарищи. Основное внимание уделялось боевому маневрированию и освоению непривычных методов взлета и посадки. Затем пришлось работать самим.

– В чем состояла ваша задача в Афганистане?

– Сопровождение колонн, поддержка пехоты и «свободная охота». Проводка колонн занимала немалую часть вылетов. Понятно, что армии ежедневно требуются сотни тонн топлива, продовольствия, других грузов. Колонны сопровождали танки и БТР, в кузовах КамАЗов монтировались скорострельные зенитки ЗУ-23. Однако самой эффективной была поддержка с воздуха. Просматривали местность, проводили разведку. Участок от Термеза до перевала Саланг прикрывали «Ми-24» из Кундуза, для которых оборудовали площадки в Хайрайтоне, Мазари-Шерифе, Ташкургане и Пули-Хумри. Далее колонны принимали вертолетчики Баграма, мы же из авиабазы Джелалабада проводили колонны вглубь страны.

«Свободная охота» официально называлась разведывательно-ударными действиями. Сводилась она в основном к поиску вражеских караванов. В указанном районе вертолеты разворачивались в пеленг и прочесывали местность. Обнаруженный караван останавливали предупредительным огнем и брали в кольцо.

– Какова была защищенность «Ми-24» от атак душманских моджахедов?

– Как правило, это 4–5 мм стальная броня, которая прикрывала кабину экипажа, маслобаки двигателей, редуктор и т. д. Она задерживала большинство пуль, а бронестекла кабин пробить было очень сложно. Наиболее грозный противник для «Ми-24» – крупнокалиберные ДШК (Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный) и ЗГУ (зенитно-горно выючная установка). Доработали «Ми-24» и для защиты от ПЗРК. Этот комплекс увенчала станция активных помех СОЭП-В1А «Липа», которая оказалась очень эффективной. Обманутая «Липой» ракета обычно начинала метаться и разрывалась где-то в отдалении. Наш вертолет тоже неоднократно атаквали, но все обошлось.

– Какие эпизоды наиболее врезались в память?

– Однажды наше звено в количестве четырех самолетов готовилось к очередному боевому вылету. Смотрим, – в отдалении из «Ми-8» выгружают трупы солдат, молодых советских ребят. Оказалось, что группа шла на Асабад в засаду, однако сами нарвались на афганских боевиков. Душманы расстреляли целый взвод, в живых остался лишь один человек. До вылета оставалось время, и мы зашли в морг. То, что мы увидели, трудно описать словами. У восемнадцатилетних пацанов были выколоты глаза, у кого-то стесано лицо, распухшие руки и ноги. В них вводили вещества для меньшей болевой восприимчивости. Если человек еще жив, то после окончания действия наркотика он умирает от сильнейшего болевого шока. После увиденных зверств нас обуряла такая злость на душманов...

Еще эпизод, когда я буквально месяц пробыл в Джелалабаде – и внезапно душманы начали атаковать аэродром из миномета. Забежал на КПП, сорвал автомат с плеча и начал стрелять в ответ. Но меня остановил солдат, сказав, что этого делать не надо. Увидев ответный огонь из автомата, «духи» смогут скорректировать огонь и начать вести его более прицельно.

– Часто нападали на аэродром?

– Практически каждый месяц. К аэродрому подъезжает машина, устанавливается миномет – и начинается обстрел. Впрочем, заслышав звук взлетающего вертолета, душманы быстро «испарялись». Но однажды сумели сработать на опережение. Один вертолетчик сумел перехватить вражескую машину и затем при осмотре в ней было найдено оружие. Вообще хочу отметить отвагу белорусских, русских ребят. Однажды во время одного из нападений узбекский солдат испугался давать отпор, мотивируя тем, что до «дембеля» осталось двадцать пять дней. Наши же солдаты не задумываясь шли в атаку, даже если долгожданный «дембель» был уже завтра.

– *Были потери вертолетов и личного состава?*

– В нашем полку – один. Была операция в кишлаке, где ранили одного из бойцов. На аэродром передали, что нужен транспорт для эвакуации. Вертолет забрал раненого, но, поднявшись в воздух на восемьсот метров его атаковали душманы. Вертолет упал, и выжить ни экипажу, ни раненому не удалось. Еще один из трагических случаев произошел в Баграме. У «Ми-24» в результате атаки повредили рулевой винт. Вертолетчики успели катапультироваться, но в процессе вертолет перевернулся, и они попали под лопасти винта... **Последние дни войны также не обошлись без потерь. В конце августа и в сентябре 1988 года вместе с экипажами погибли два «Ми-24», а в феврале 1989 на аэродром не вернулся еще один вертолет, который уже прокладывал путь домой. Он и стал последним в списке погибших 333 вертолетов «Ми-24».**

– *Вы упомянули про операцию в кишлаке. Каким было отношение мирного афганского населения?*

– Нормальным. В дуканах за советские чеки или местную валюту «афгани» можно было купить все необходимое. Запомнилось, что килограмм помидоров стоил всего лишь три копейки, а дрова продавали на развес на огромных весах. Оно и не удивительно: в стране древесины мало, поэтому увидит рачительный хозяин обломок дерева, сразу тащит его в кишлак. Вместе с тем, когда ты в кишлаке, – ты гость. Но за его пределами – враг. И тот, кто угощал тебя час назад, может без малейших колебаний выстрелить тебе в спину.

– *Вспомните самый радостный момент в Афганистане.*

Самый радостный момент – письма от родных и близких. В конце сентября 1982 года пришло письмо от родных, что у меня родился сын, которого назвали Димой. Впрочем, долго праздновать не пришлось, так как началась очередная атака на аэродром.

Безусловно, запомнился и тот момент, когда за нами прилетел в два часа ночи «Ил-76», на котором мы улетели домой. Чувство, которое сложно передать словами.

...После Афганистана Геннадий Иванович служил в Белорусском военном округе, немецком Лейпциге, Забайкальском военном округе. Потом вернулся на Родину.

– По состоянию здоровья пришлось покинуть небо, – говорит Геннадий Кострицкий.

– Предлагали остаться в штабе. Однако я подумал – и отказался. Испытав один раз полет, твои глаза навечно будут устремлены в небо. И, однажды там побывав, ты всегда будешь о нем тосковать...

На снимках: Геннадий Кострицкий
во время службы в Афганистане.

Евгений НИКОЛАЕВ